

Научная статья
УДК 93/34+32.019.5
doi: 10.17223/15617793/516/16

Образ маршала М.Н. Тухачевского в периодической печати в годы перестройки в СССР (1985–1991 гг.)

Ирина Владимировна Федотова^{1, 2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия
^{1, 2} ivputintseva@mail.ru

Аннотация. Анализируется изменение репрезентации образа Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского в советской прессе в период перестройки. Источниковой базой исследования послужили наиболее популярные в то время в СССР газеты и журналы. В зависимости от идеологической обстановки в них выделялись те или иные сюжеты из биографии полководца, которые формировали и меняли его образ в массовом сознании советских людей.

Ключевые слова: М.Н. Тухачевский, пресса, периодическая печать, журналистика, историческая имажология, исторический образ, историческое сознание, политические репрессии

Для цитирования: Федотова И.В. Образ маршала М.Н. Тухачевского в периодической печати в годы перестройки в СССР (1985–1991 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 516. С. 127–139. doi: 10.17223/15617793/516/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/516/16

The image of Marshal Mikhail Tukhachevsky in the periodical press during the years of Perestroika in the USSR (1985–1991)

Irina V. Fedotova^{1, 2}

¹ Historical Archive of Omsk Oblast, Omsk, Russian Federation

² Omsk State Technical University, Omsk, Russian Federation
^{1, 2} ivputintseva@mail.ru

Abstract. The Perestroika period was a pivotal era in national history, culminating in the collapse of the Soviet system and its ideological foundations. During this time, a trend emerged and solidified, portraying the Soviet past in an exclusively negative light and giving rise to numerous myths. With the shift in the political climate, the construction of images of prominent Soviet military figures in the public consciousness changed radically, a process actively driven by the press and other media. One of the iconic figures of the Soviet era, whose historical image underwent a fundamental transformation in the final years of the USSR, was Marshal Mikhail Tukhachevsky. The aim of this research is to trace the dynamics of how information about this figure was presented during the Perestroika era by examining some of the most popular Soviet periodicals – newspapers and magazines intended for a broad readership. The rationale for choosing this topic lies in the contradictory assessments of Tukhachevsky's personality and activities in contemporary Russian historiography, as well as the prevalence of numerous "black myths" about the marshal in popular historical consciousness. Some of these myths began circulating during Perestroika, while others emerged earlier but gained traction precisely at that time. To achieve the research aim, the article (1), identifies mentions of Tukhachevsky in the analyzed sources; (2) delineates the changes in the image of Tukhachevsky conveyed to the public consciousness by various periodicals between 1985 and 1991, focusing on specific episodes of his biography; (3) identifies the distinctive features that accompanied this transformation of Tukhachevsky's image. The theoretical foundation of the study is based on an anthropological approach, content analysis, and problem-chronological and historical-comparative methods. This methodological framework led to the conclusion that the representation of the "Red Marshal's" image underwent at least two shifts during the Perestroika period: from the traditional portrayal as an outstanding Soviet military leader to that of a victim of political repression, and, by the end of the period, as one of the organizers of repression, accompanied by a sharply negative attitude, primarily from publicists rather than historians. This publication may be of interest to specialists studying imagology, the politics of historical memory formation, the history of Soviet journalism, 20th-century Russian military history, and Soviet repressive policies.

Keywords: M.N. Tukhachevsky, press, periodical press, journalism, historical imagology, historical image, historical consciousness, political repression

For citation: Fedotova, I.V. (2025) The image of Marshal Mikhail Tukhachevsky in the periodical press during the years of Perestroika in the USSR (1985–1991). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 516. pp. 127–139. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/516/16

Введение

С весны 1985 г. новое руководство СССР в лице М.С. Горбачева ориентировало страну и общество на широкий курс перемен. Оформившаяся через год в рамках перестройки концепция гласности декларировалась как «главный рычаг демократизации страны», подразумевая значительное расширение информированности общества и критическое обсуждение злободневных тем, чтобы преодолеть идеологический догматизм и прежние стереотипы поведения, ускоряя перестроечные процессы. Пресса активно привлекалась к борьбе с консервативными течениями и, по замыслу Горбачева, могла быть своеобразной оппозицией. Но «политика гласности» не ввела свободу слова. Изначально руководители СМИ проводили информационные кампании в соответствии с курсом КПСС. Тем не менее, по мнению одного из главных «архитекторов Перестройки» А.Н. Яковлева, гласность революционизировала и политизировала общество, резко расширив доступ к информации и ее анализу – без запретных тем и ограничений на любые вопросы и ответы [1. С. 83–85]. Горбачев подчеркивал, что не должно быть «забытых имен, белых пятен ни в истории, ни в литературе». Он утверждал, что «О делах тяжелых партия сказала. И мы не собираемся изображать их сегодня в розовом свете.<...>. Было и то, и другое, и радостное, и горькое». Но с конца 1987 г. усиление гласности привело к деструктивной критике советской истории в СМИ. В массовом сознании стали укореняться представления о построении в СССР «казарменного псевдосоциализма, тоталитаризма». Утверждалось, что большевики навязали России неправильный, тупиковый путь, а в результате революции были уничтожены культурные традиции. Предлагалось избавиться от прошлого [1. С. 85, 88]. Шла «делигитимация» и «десакрализация» партии и ее руководителей (прошлых и действующих).

Эти тенденции затронули и фигуру М.Н. Тухачевского – одного из видных советских военных деятелей. Его имя в прессе тех лет появлялось очень часто – как в биографических статьях, так и в публикациях о различных эпизодах прошлого. И если в начале перестройки его упоминали традиционно как полководца – героя Гражданской войны, то потом он стал чаще называться в качестве одной из крупных жертв политических репрессий 1930-х гг. А к концу 1980-х гг. маршала стали вспоминать в числе военных руководителей подавления Кронштадтского восстания и «антоновщины» в 1921 г.

Аргументом выбора темы исследования стала сложная ситуация в современной российской историографии и массовой исторической памяти, связанная с полярными оценками личности и деятельности Тухачевского. Хотя ряд устоявшихся «черных мифов» о полководце уже опровергнут [2], есть необходимость продолжения данной работы. Истоки многих ошибоч-

ных представлений о Тухачевском возникли или получили развитие именно в перестройку, что вызывает необходимость анализа причин данного негативного явления, оказавшего влияние на массовое сознание россиян. В недавних интервью академические специалисты говорят о важности взвешенного подхода при изучении биографий военных лидеров Гражданской войны. Здесь особенно значимы суждения российских историков Р.Г. Гагкуева (специалиста по феномену офицерства в годы Русской Революции) [3. С. 8] и Ю.З. Кантор (биографа М.Н. Тухачевского) [4. С. 68].

Чтобы проследить трансформацию образа Тухачевского в годы перестройки, проанализируем периодику, рассчитанную на широкий круг читателей. Отметим, что много материалов о маршале, включая документы, было введено в научный оборот в этот период в академических изданиях [5–11]. Но масса советских читателей в основном обращалась к популярным в то время газетам («Правда», «Известия» с приложением «Неделя», «Советская культура», «Литературная газета» и др.) и литературным журналам. Здесь символом перестроечной гласности стал общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек» под руководством В.А. Коротича, имевший огромный тираж и лидирующий по числу подписчиков (4 млн. в 1990 г.) [12. С. 69].

М.Н. Тухачевский как жертва политических репрессий 1930-х гг. Споры о виновниках его гибели

В центральных газетах «Правда» и «Известия» весной 1988 г. была опубликована информация о деятельности Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 1930-х – начала 1950-х гг. Читателям напомнили, как шла реабилитация по «делу военных»: «Комиссия заслушала <...> сообщения Верховного Суда СССР и Комитета партийного контроля при ЦК КПСС о результатах реабилитации в судебном и партийном порядке М.Н. Тухачевского, А.И. Корка, И.Э. Якира, И.П. Уборевича, В.К. Путны, Р.П. Эйдемана, В.М. Примакова и Б.М. Фельдмана, проходивших по делу об участниках “антисоветской троцкистской военной организации”».

Военная коллегия Верховного Суда СССР по заключению Генерального прокурора СССР 31 января 1957 г. отменила приговор специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11 июня 1937 г. в отношении указанных лиц и дело производством прекратила за отсутствием в их действиях состава преступления. Все они полностью реабилитированы» [13, 14]. Здесь же сообщалось, что решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС 27 февраля 1957 г. М.Н. Тухачевский и другие восстановлены в рядах КПСС.

Через месяц «Правда» опубликовала воспоминания военного прокурора Б.А. Викторова о ходе реабилитации М.Н. Тухачевского и других военачальников в 1956–1957 гг. Описывался процесс фабрикации обвинений против военных, а также судьбы их следователей. В заключении автор упомянул, что в военную прокуратуру поступили «отзывы ряда крупных военачальников, приобретших опыт крупных сражений в ходе Великой Отечественной войны. Они были единодушны в том, что разработанные Тухачевским и его соратниками и отрабатываемые уже в 1930-е гг. на маневрах основы ведения крупных боевых операций в условиях “машинной войны” были по достоинству оценены, применены и развиты. Они сожалели, что с осуждением Тухачевского этот процесс укрепления боевой мощи Красной Армии был безусловно замедлен» [15]. Расширенный вариант статьи вошел в сборник «Записки прокурора» [16. С. 215–256].

Отметим, что раскрытие подробностей фальсификации обвинений в отношении Тухачевского и других военных деятелей в официальных массовых изданиях продолжилось в партийном журнале «Известия ЦК КПСС» (его выпуск возобновили в 1989 г. после 60-летнего перерыва). Там представили результаты дополнительного изучения материалов, связанных с политическими репрессиями 1930–1950-х гг., в частности, и по делу так называемой «антисоветской троцкистской военной организации». Были опубликованы источники из архивов ЦК КПСС, КГБ СССР, Прокуратуры СССР, Института марксизма-ленинизма [17]. Это была первая публикация данных документов, доступная, пусть и неширокой, общественности.

Такие публикации дали возможность обсуждать темы, табуированные с окончания «оттепели». Так, читателям газеты «Вечерняя Москва» представили воспоминания персонального пенсионера союзного значения А. Котловой-Бычковой, дочери А.К. Барбэ – политработника 5-й армии РККА в период командования ею М.Н. Тухачевского [18]. Позже Барбэ поддерживала дружеские отношения с полководцем и его семьей. По мнению Котловой-Бычковой, Тухачевского репрессировали, не простив ему смелое выступление на XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. Котлова-Бычкова также цитировала рассказ П. Редченко – личного охранника первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П. Постышева, в приемной которого был арестован Тухачевский 22 мая 1937 г. (воспоминания Редченко об аресте маршала серьезно расходятся с иными свидетельствами очевидцев [19. С. 369–370]). Ранее более краткие воспоминания Котловой-Бычковой со сценой ареста Тухачевского напечатала региональная пресса [20]. Завязалась полемика: фронтовик, ветеран Вооруженных Сил СССР С. Ананьин пытался защитить сотрудников советских спецслужб: «Автор (Котлова-Бычкова. – И.Ф.), рассказывая о судьбе маршала М. Тухачевского, приводит фамилии чекистов, производивших арест. Складывается впечатление, что маршал был арестован по инициативе органов госбезопасности. Но они не имели права арестовывать полководцев. Конечно, можно сделать упрек и исполнителям этого приказа, но ведь не выполнить указания они

никак не могли. И это не их вина, а беда всего нашего государства» [21].

Современники вспоминали свою реакцию на гибель Тухачевского и других военно-политических лидеров. Бывший преподаватель Кремлевской школы имени ВЦИК Л.О. Орловский отмечал: «Я знал Тухачевского, Блюхера, Рыкова и других, Бухарину сдавал истмат в университете и никогда не мог до конца поверить, что они – враги народа. С болью мы вспоминаем те годы» [22]. Ветеран войны и труда В. Борисов вспоминал: «По возрасту я современник Тухачевского, Уборевича, Якира. Судьбы этих людей решались при моей жизни. <...> То, что мы пережили в тридцатые годы, было самым тяжелым испытанием, выпавшим на нашу долю. Я говорю не только о тех, кто погиб, но и о тех, кто выжил. Когда рядом гибнут прекрасные люди, столько сделавшие для Родины, легко надломиться, принять все как должное или разувериться в самом святом, что у нас было» [23]. Испанка Х. Итурран, проводшая детство в СССР, с болью говорила: «Это был тот самый печально известный 37-й год, обрушившийся на Советскую страну, переломавший многие судьбы. Мы, испанские дети, конечно, сначала ни о чем не догадывались. Но однажды в Одессе наш директор, который преподавал историю, собрал у нас вечером учебники, а утром в них оказались вымараны портреты Тухачевского, Блюхера и других “врагов народа”... Возвращая учебники, директор не смотрел нам в глаза, но мы и так поняли, как глубоко страдает человек, которого мы успели полюбить» [24]. Трагичны воспоминания преподавателя школы ДОСААФ В. Ланских: «Мальчишкой я видел, как в школе снимали портреты Блюхера и Тухачевского: враги народа. Помню, как учитель велел принести ружье, чтобы, приставив портреты к поленице, расстрелять их. <...>. Взрослым узнал, что, кроме моих двух маршалов, врагами народа стали Якир, Уборевич, Дыбенко, Егоров и еще десятки тысяч верных партии людей...» [25]. Писатель Василь Быков отметил особенности восприятия Большого террора «в массах», противопоставляя репрессированных представителей элиты и простых граждан: «Можно было еще поверить, допустим, что маршал Тухачевский – немецкий шпион или что шпионы другие высокие начальники. Но согласиться с обоснованностью массовых репрессий, которые на наших глазах совершались по отношению к простым людям, крестьянам, учителям, рабочим, мы уж никак не могли» [26].

Журнал «Огонек» публиковал отрывки воспоминаний Г.К. Жукова, которыми он поделился с писателем К.М. Симоновым в 1960-е – начале 1970-х гг. [27]. Они содержат довольно острые моменты. Маршал рассказывал о своем знакомстве с репрессированными полководцами. Он, хоть и допускал критику М.Н. Тухачевского, высоко оценивал его личность и деятельность в РККА. «Г.К. Жуков с гордостью, как о важном этапе своей военной биографии, рассказывал о том, как высоко оценили тогда на больших маневрах в 1936 году его действия М.Н. Тухачевский и И.П. Уборевич. На вопрос, как маршал оценивает Уборевича и Тухачевского, Георгий Константинович ответил:

– Обоих ставлю высоко, хотя они были разные люди, с разным опытом.

У Тухачевского был опыт фронтовых операций, а Уборевич командовал в гражданскую войну армией <...>. Тухачевский был более широко известной фигурой, но я бы не отдал ему предпочтение перед Уборевичем.

И по общему характеру своего мышления, и по своему военному опыту Тухачевский был более эрудирован в вопросах стратегии. Он много занимался ими, думал над ними и писал о них. У него был глубокий, спокойный, аналитический ум.

Уборевич больше занимался вопросами оперативного искусства и тактикой <...>. Жуков осуждал Тухачевского за, как ему казалось, «небрежение к черновой, повседневной работе», объясняя это дворянским происхождением и воспитанием полководца. Отметим, что мемуары других военных деятелей опровергают вывод Георгия Константиновича о небрежении Тухачевского черновой работой [28. С. 24].

Жуков описал столкновения Ворошилова (считая его человеком малокомпетентным в военных вопросах) с Тухачевским, на котором лежала «практически значительная часть работы в наркомате» и который, по мнению Жукова, действительно являлся военным специалистом: «Во время разработки Устава был такой эпизод. При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявить твердость и дать отпор, когда считал это необходимым. Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал наркому Ворошилову. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов стал высказывать недовольство и предлагать что-то, явно не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал обычным, спокойным голосом:

– Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок...

Он умел давать резкий отпор именно в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось...» [27. С. 7].

Позже «Огонек» опубликовал интервью с Елизаветой Николаевной Арватовой-Тухачевской – сестрой маршала. Она стремилась добавить интересные штрихи к образу брата. «Будто ясен портрет и облик Миши – воин, этакий удалец. Но это – схема, неуверенный набросок. Кто еще помнит – подтвердит, что он очень тонко чувствовал. Понимал человека и обладал редким даром разговаривать любого. Для него не было закрытых людей. И при всем том был очень прост в общении. Вы бы и не почувствовали, что он маршал». «Он, кстати, в лагере-крепости Ингольштадт с де Голлем вместе обретался. Когда генерал спустя многие годы Москву посетил, он все родственников Тухачевского, то есть нас, хотел повидать. Поди ж ты, на весь белый свет твердили, что Тухачевский шпион, а де Голль не поверил...» [29. С. 20]. Также она рассказала о трагической судьбе репрессированных членов семьи Тухачевских, о своих двух лагерных сроках и смерти дочери Марины.

Интервью о брате Елизавета Николаевна дала и другому популярному журналу «Кругозор», но в нем не касалась темы репрессий (хотя об аресте Тухачевского в 1937 г. было сказано во вступительном слове к

публикации), а упомянула об обстановке, в которой рос будущий маршал. Говорили об истории рода Тухачевских, об их любви к музыке. Отмечая особенности воспитания в семье Тухачевских, она указала: «В доме у нас выше всего ценили честность и доброту. С ранних лет нам прививали презрение к праздности, уважение к труду, к простым людям. Наверное, именно эти качества наряду со светлым умом и выдержкой сразу оценил в М.Н. Тухачевском В.И. Ленин и, не колеблясь, доверил 25-летнему подпоручику, бежавшему из немецкого плена, формирование и командование 1-й Красной Армией в 1918 году» [30]. К интервью прилагалась пластинка с записью выступления маршала в январе 1936 г. на 2-й сессии ЦИК и рассказ о скрипке работы А. Страдивари, на которой играл Тухачевский. Также Е.Н. Тухачевская подготовила к публикации воспоминания И.Ф. Кудрявцева – шофера М.Н. Тухачевского [31].

Беседы с тремя сестрами М.Н. Тухачевского – Ольгой, Елизаветой и Марией – использовались и для подготовки статьи о маршале в массовом молодежном журнале СССР «Смена». Здесь же говорилось о его военно-административной работе как командующего войсками ЛВО (в 1928–1931 гг.), приводились выдержки из его научных работ. Автор статьи упомянул о конфликтах Тухачевского с Ворошиловым и Сталиным, но основной причиной гибели маршала назвал сфабрикованный гитлеровской разведкой «секретный документ», по которому Тухачевский и другие военачальники якобы были немецкими агентами. Но, как отметил автор, теперь «справедливость восторжествовала. Имена маршала и его сподвижников обрели свою первозданную чистоту...» [32. С. 14].

Параллельно становились доступны воспоминания о других репрессированных родственниках М.Н. Тухачевского. Например, в журнале «Наука и жизнь» опубликовали письмо Х.М. Пеловой к сестре маршала Е.Н. Тухачевской, где были описаны обстоятельства смерти в ссылке в декабре 1941 г. матери полководца Мавры Петровны Тухачевской [33]. О трагедии матери, жены и дочери маршала вспоминала и А.М. Ларина – вдова Н.И. Бухарина [34. С. 135–139]. Ее мемуары стали доступны читателю также в годы перестройки.

Еще одна популярная в СССР газета «Неделя» не раз обращалась к биографии полководца. Например, был освещен малоизвестный сюжет о конфликте Тухачевского со Штабом РККА в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда предложения Тухачевского о перевооружении РККА были неверно интерпретированы [35]. Отсюда возник миф о том, что он «предлагал производить сто тысяч танков в год в мирное время» [2. С. 28–32].

В 1988 г. в редакцию газеты «Неделя» пришло письмо историка О. Бондаренко, осуждавшего открытие в середине 1970-х гг. музея К.Е. Ворошилова в Москве: «Как теперь стало известно, на совести Ворошилова загубленные жизни видных военачальников, в том числе и Тухачевского. Стараниями того же Ворошилова было сделано все, чтобы потомки как можно меньше узнали о полководческом таланте маршала. Создано сие учреждение на

улице, носящей имя... маршала Тухачевского (дом № 20). Скажите, что это, если не кощунство, не глумление над памятью жертв сталинского произвола? Не берусь судить, насколько нужен музей Ворошилова как таковой. Но уж во всяком случае, на этой улице ему не должно быть места. С другой стороны, сейчас, когда доброе имя Тухачевского восстановлено, не мешало бы создать мемориальный музей, посвященный его жизни и деятельности» [36].

Этот вопрос – почему в стране нет музея Тухачевского, «хотя видный военачальник того заслуживает», газета поднимала и на следующий год. Примечательно, что при этом коснулись и неоднозначной трактовки образа маршала в исторической памяти уже в то время: «Интерес к личности Тухачевского и его судьбе очень велик. Споры вокруг его имени не утихают, каждый трактует Тухачевского как ему заблагорассудится, и очень часто некоторые “объективные” исследователи скатываются к прямой клевете и очернительству его деятельности» [37]. Один из читателей «Недели» П. Кириллов рассказал, что «неоднократно обращался с вопросом о создании музея в Министерство обороны и Министерство культуры РСФСР. После достаточно долгой “проработки” ГлавПУР и Главное управление по делам изобразительного искусства и музеев Минкультуры пришли к выводу, что создание музея Тухачевского в принципе возможно». Но Главное управление культуры Мосгорисполкома не решило этот вопрос, так как в запросе не было информации о том, на базе каких материалов должен был создаваться музей. Однако Кириллов сообщал, что «Главное Политическое Управление СА и ВМФ свою помощь в создании музея уже обещало, найдутся и энтузиасты, готовые работать для устройства Музея» [37].

Поэт Андрей Вознесенский рассказал газете «Советская культура» о переписке с читателями: «Смелость мыслей писем ошеломляет. Такого не могло быть два года назад. Люди не только хотят перемен, но стремятся в них участвовать, меняются сами. <...> Участник войны из Инты И. Долинов требует поставить памятники Блюхеру и Тухачевскому» [38]. Другой фронтовик – Д. Дажин – спрашивал: «А что происходит с историей гражданской войны? Где полные сведения о Тухачевском, Эйдемане, Егорове, Блюхере, Федько, Дыбенко, Уборевиче, Якоре и многих, и многих других. Случилось так, что из истории гражданской войны наша молодежь по-прежнему знает только тот ряд, какой был преподнесен в “Кратком курсе истории ВКП(б)”, – Ворошилов, Буденный, Чапаев, Котовский, Пархоменко, Щорс, Лазо... Напрочь забываются нами десятки, сотни других талантливых командиров и политработников» [39].

Обсуждался вопрос личной вины Сталина в политических репрессиях. В этом плане показательно выдержка из интервью Софьи Радек: «Сколько людей сломал этот тиран! И каких людей! Если уж жертвами оказались Тухачевский, Бухарин, Рыков, Радек, если они дали себя растоптать, то что взять с нас, бедных и сирых? Так вот, мы сами позволили Сталину распоряжаться нашими судьбами, сами отдали себя на его про-

извол» [40. С. 31]. А писатель Евгений Носов рассуждал о том, чем руководствовался Сталин, репрессируя видных большевиков: «расчищая себе дорогу к непрекаемой власти, он вырубал самые крупные деревья, которые затеняли его и своей высотой не позволяли ему казаться выше других. <...> Но особенно злорадное удовлетворение получал он, натравливая одну жертву на другую. Так поступил он и с маршалами Егоровым и Блюхером, послав их судить своего же боевого товарища, маршала Тухачевского. А вскоре они сами были расстреляны по такому же шаблонному инспирированному обвинению» [41] (Егоров не входил в число участников суда над Тухачевским и др., как Блюхер. – *И.Ф.*).

В переписке с читателями поднимался вопрос – кого еще считать виновниками репрессий в верхушке РККА. Фронтовик В. Бушев писал: «<...> читатель, полковник Н. Чернуха, предлагает переименовать Военную академию Генштаба Вооруженных Сил СССР имени Ворошилова и присвоить ей имя маршала М.Н. Тухачевского. Это было бы справедливо, поскольку сегодня нам известна правда о сталинском приближенном, ответственном за уничтожение лучших военных кадров, который хоть и носил титулы народного героя, полководца, но не оправдал их, как и высокое звание маршала» [42].

В одном из номеров «Недели» появилось интервью с советскими историками А.М. Самсоновым, Н.Г. Павленко и Ю.А. Геллером, где они говорили о личности К.Е. Ворошилова, пытаясь преодолеть традиционное идеализированное представление о «первом красном офицере». В частности, опираясь на воспоминания Г.К. Жукова, историки указали на неприязнь Ворошилова к своему заместителю Тухачевскому [43].

Затрагивая тему репрессий в РККА, военный историк В.А. Анфилов отмечал, что их «стимулировал нарком Ворошилов». Рассматривая причины падения Тухачевского, он рассуждал: «Сейчас, сопоставляя факты, задумываешься: уж не статьей ли, опубликованной в “Красной звезде” 7 мая, Тухачевский разозлил “хозяина”? (Сталина. – *И.Ф.*)». Напомним, что в своей последней статье, опубликованной в газете «Красная звезда» в мае 1937 г., Тухачевский критиковал руководство РККА, опиравшееся только на опыт Гражданской войны и «превосходство духа красноармейцев» без учета новых технических тенденций. Тухачевский предупреждал, что такая самолюбленность может привести к кровавым потерям в боях. По мнению Анфилова, «Упрек, естественно, не понравился Ворошилову и всячески поощрявшему его Сталину. Тухачевский посмел подвергнуть сомнению теории наркома, зная, что за наркомом стоит Сам» [44]. В «противовес» вышло интервью с В.М. Молотовым, который по-прежнему называл Тухачевского «заговорщиком», мотивируя это тем, что, по материалам следственного дела, «он в кругу заговорщиков обсуждал, как сместить Ворошилова с поста наркома обороны» (т.е. недовольство Ворошиловым Молотов считал некой разновидностью заговора. – *И.Ф.*) [45].

Поднимался и болезненный вопрос – можно ли было избежать больших потерь в начале Великой Отечественной войны? И тут опять вспомнили имя Тухачевского: «<...> стоит ли обсуждать сейчас неиспользованные возможности, ведь колесо истории не раскрутишь назад? Мне думается, стоит – в избранной нами схеме на чисто гипотетическом примере с Тухачевским особенно наглядно видна роль ТАЛАНТЛИВОЙ ЛИЧНОСТИ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ. Личности, которая могла бы (если бы ей предоставили соответствующую возможность) спасти свой народ от лишних потерь в войне» [46].

В одном из номеров газеты «Советская культура» рассказывалось о создании документального фильма «Маршал Тухачевский» на студии «Школафильм». Выражалась надежда, что «...этот фильм станет первой, но не последней кинематографической ласточкой о видном советском военачальнике маршале Тухачевском, чья трагичная судьба была отражением трагедии целого поколения. Правдивый и открытый разговор о нем, о времени, в котором он жил, быть может, окажется полезнее для воспитания у юных чувства гражданственности, ответственности за судьбы Родины, чем десятки обычных уроков по истории». Авторы фильма попытались создать «ощущение трагизма положения, в котором оказался человек, наголову опередивший свою эпоху, а главное – тех, от кого зависел, у кого была власть...» [47].

На вопрос пенсионерки М. Гуляевой о том, когда появятся фильмы о Бухарине, Рыкове, Тухачевском и других жертвах политических репрессий, представитель Госкино СССР В. Кузнецова ответила, что «на “Мосфильме” работу над сценарием фильма под названием “Операция *Скорпион*” о маршале М.Н. Тухачевском ведут Ф. Шахмагонов и В. Чеботарев» [48]. Этот проект не был реализован, но вскоре Шахмагонов опубликовал сценарий отдельной книгой [49].

Обсуждали и судьбу участников Специального судебного присутствия 11 июня 1937 г., поставивших подписи под смертным приговором М.Н. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу и другим фигурантам «дела военных». В одном из читательских писем приводились воспоминания сослуживца о поведении Блюхера после участия в суде над Тухачевским: «Маршал был в тяжелом состоянии, многого не договаривая. Он был обманут, его заставили поверить клевете на бывших соратников по борьбе...» [50]. С этими воспоминаниями перекликаются свидетельства генерал-лейтенанта в отставке К.Е. Полищука. В июне 1937 г. он был начальником Военной электротехнической академии РККА, принимал участие в расширенном заседании Военного совета НКО 1–4 июня 1937 г., прошедшем в то время, когда М.Н. Тухачевский и другие арестованные по «делу военных» были под следствием [51]. Мемуарист передал «могильную» атмосферу заседания как реакцию военной элиты на раскрытие «заговора» и рассказал, что собравшимся давали ознакомиться с показаниями арестованных. Но бросалось в глаза, что они были стереотипные, со стандартными фразами об «измене» и без конкретных данных. Он сделал вывод, что «суд и расстрел Тухачевского,

Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана и других были прологом к дальнейшим многосерийным частям драмы по последовательному массовому уничтожению командных кадров Красной армии. В убийственном состоянии духа покинули зал все оставшиеся на воле высшие командиры Красной армии. Потеряв уверенность в себе, товарищах, руководителях, делах. Мысли, что же это происходит, что же будет дальше, стесняли волю, активность, деятельность. Вернувшись в Ленинград, в академию, я ощутил полную опустошенность <...>» [51. С. 32].

Публицисты пытались разобраться, почему жертвы репрессий (вчерашние стойкие коммунисты) оговорили себя на следствии. Профессор Л. Финк на основании своего тюремного опыта делал вывод о психологическом давлении: «любые пытки можно выдержать, если ты в застенке у врагов, если перед тобой фашисты и ты отстаиваешь свои идеи, Родину, народ. <...> Но почему же в своей чудовищной измене признались маршал Тухачевский, или командарм Дыбенко, или десятки, сотни, тысячи мужественных командиров Красной Армии? Убежден, что главной причиной неспособности противостоять требованиям палачей было именно это страшное чувство психической опустошенности, пугающего ощущения своего одиночества в этом мире, который так внезапно оказывался фантастически абсурдным. Именно поэтому в ведомстве Ежова – Берии существовала продуманная система психических атак» [52].

Имя Тухачевского как жертвы политических репрессий появлялось и в перестроечной лирике на страницах журналов. Стихотворение Е.А. Евтушенко «Еще не поставленные памятники» заканчивалось строками:

Сейчас ваше время, памятники,
время мрамора честного,
Ото всего оболганного
навек отлипает грязь,
и скрипка,
когда-то раздавленная,
маршала Тухачевского
срастается по кусочкам,
мраморной становясь! [53].

Менее оптимистичны строки Ю.Д. Левитанского в стихотворении «Из восьмидесятых. О памяти и памятниках», где многозначительно (авторским отточением) сравнивалась гибель М.Н. Тухачевского со смертью Д.М. Карбышева в немецком плену:

Генерала Карбышева
пытали,
мучили,
и убили.
Кто?
Немцы. Враги.
Страшно.
Маршала Тухачевского
пытали,
мучили
и убили.
Кто?
.....

Жутко.
<...>
Эти убили, а эти ославили.
Кто ж наши Кайны?
Где ж наши Авели?
Даже могил никаких не оставили.
Горько в родимой земле им лежать
Нашим убитым,
нашим замученным
мы даже памятник не поставили.
Стыдно.
И не за что нас уважать... [54].

Имя маршала есть и в прозе перестройки. Так, «Огонек» опубликовал главы из романа А.Н. Рыбакова «Дети Арбата» о судьбе молодежи 1930-х гг. и о политических репрессиях тех лет [55]. Одним из исторических персонажей произведения стал М.Н. Тухачевский.

В известном литературно-художественном журнале «Даугава» вышел рассказ «Расстрелянные звезды» А.Ф. Чехлова [56], посвященный последним дням М.Н. Тухачевского. Он был написан в 1978 г., но публикация стала возможной только 10 лет спустя. Сначала события в нем даются глазами одного из следователей по «делу Тухачевского» (собираемый образ). Несмотря на жесткие методы допросов, Тухачевский смог оказать моральное сопротивление следователям и продолжал считать себя коммунистом. У маршала осталось чувство собственного достоинства: его оскорбила ироничная реплика, что он сдался в плен немцам в 1915 г. Общие фронтовые воспоминания даже на миг сблизили Тухачевского и следователя. Когда же Тухачевского обвинили в шпионаже, то Михаил Николаевич с насмешкой ответил, что для него такое обвинение – честь, так как немецким шпионом называли и Ленина, и он польщен такой аналогией. День процесса по «делу военных» дается уже глазами самого Тухачевского. Автор пытался передать чувства и мысли подсудимого: «Что-то нереальное было в том, что происходило сейчас. Нет, все, что происходило сейчас, просто недоразумение, подумал маршал. Может быть, даже – почему бы и нет? – жестокая, но необходимая проверка. И он ухватился за эту свою спасительную мысль, чтобы не дай Бог не сойти с ума...» [56. С. 52]. В ожидании смерти маршал думал об осужденном франкистами Мадриде, об угрозе СССР от гитлеровской Германии. Последние минуты жизни Тухачевского описаны трагически-лирично, с библейскими аллюзиями: в то время, когда за стенами тюрьмы бушует «народный гнев» по поводу «изменников» («Распни его!» – орала толпа еще в древние времена...) [56. С. 54]), маршалу мерещатся звуки любимой скрипки. Расстрелянная команда в мыслях маршала превратилась в конную лаву, разворачивающуюся к бою. Таким образом, путем художественных средств, Чехлов передал трагизм жизненного финала Тухачевского.

«Подведением итогов» советской эпохи стала установка в августе 1991 г. на Донском кладбище памятника жертвам политических репрессий. «Вечерняя Москва» описывала это событие так: «Отшлифованный камень установлен на Донском кладбище на месте

тайного захоронения жертв сталинских репрессий. <...> На Донском кладбище, как стало известно из архивов КГБ СССР, похоронены М. Кольцов, В. Мейерхольд, М. Рютин, маршал М. Тухачевский и другие видные политические и общественные деятели, военачальники. И пока различные органы думают, где найти средства на увековечение памяти безвинных жертв, объединение репрессированных Черемушкинского района на свои небольшие пенсии сегодня установило скромный, но такой бесценный памятник!» [57].

Версия о «немецком следе» в «деле Тухачевского»: за и против

Стали широко обсуждать разные версии гибели М.Н. Тухачевского. В 1988 г. был опубликован диалог с главным редактором «Военно-исторического журнала» историком Н.Г. Павленко. Журналист назвал Тухачевского «истинным талантом той эпохи» и спросил историка, верна ли версия зарубежных литераторов о главной роли германской разведки в «истреблении советских военных кадров в 1937–1938 годах». Павленко ответил, что «это только малая часть правды» и высказал свое мнение о причинах гибели Тухачевского. Их было несколько: плохие отношения «между Сталиным и Ворошиловым, с одной стороны, и Тухачевским – с другой» еще со времен Советско-польской войны; ложь о Тухачевском как о потенциальном «красном Бонапарте», нагнетаемая иностранной прессой, что лишало покоя Сталина. Павленко напомнил, что Тухачевскому угрожал арест еще в 1930 г., «во время истребления военспецов». Не отрицая существования «немецкой фальшивки», историк отметил, что гестапо еще не приступило к ее фабрикации, когда уже были арестованы комдив Шмидт и комкор Примаков, которых вынудили дать показания на Тухачевского и других будущих фигурантов «дела военных».

Павленко привел воспоминания генерал-лейтенанта В.С. Голушкевича, очевидца процесса по «делу военных»: «Перед тем как вести разговор, я передал ему для ознакомления главу (“Афера с Тухачевским”) из книги Вальтера Хагена. Именно в этой главе сосредоточен весь конкретный материал, сочиненный немецкой разведкой. Ознакомившись с копиями фальшивок, Голушкевич сказал, что при допросе подсудимых не поднимались вопросы о письмах Тухачевского, Якира и других к немецким генералам, не упоминалось о расписках в получении денежных сумм и о других “документах” фальшивки. Весь процесс, по его словам, проходил в крайне стремительном темпе. Чувствовалось, что суду не требовалось добиваться истины, он ею уже обладал. Один из обвиняемых давал показания против Тухачевского. Не глядя на полководца, промямлил что-то о “шпионских сведениях”, полученных якобы от Тухачевского. А когда Тухачевский спросил “свидетеля”: “Вам все это приснилось?” – председательствующий В. Ульрих прервал Тухачевского и больше к этому вопросу не возвращался». По выводу Павленко, «и без пресловутой фальшивки» полководцы были бы уничтожены, ведь после осуждения Тухачевского больше новых компрометирующих материалов на представителей советской

военной элиты не поступало, но репрессии продолжались [58].

В начале 1989 г. вышла статья Ф.М. Сергеева, посвященная «немецкому следу» в «деле» Тухачевского [59] (ее полный текст был тогда же опубликован в журнале «Новая и новейшая история» [60]). В ней «на основе анализа сведений, содержащихся в мемуарах государственных, политических и военных деятелей Запада, архивных материалах, свидетельствах очевидцев и непосредственных участников событий, дается цельное представление о том, как были сфабрикованы “доказательства” мнимой тайной связи М.Н. Тухачевского и других советских военачальников с германским генеральным штабом. Показан во всех деталях скрытый механизм осуществления этого зловещего политического подлога» [59. С. 10]. По мнению редакции, нацистская разведка готовила аферу с «заговором» в РККА, делая главную ставку на жестокость, мнительность и подозрительность Сталина, а автор подчеркнул, что «в окружении Гитлера операция с фальшивкой против Тухачевского расценивалась как одна из самых выдающихся в истории немецкой разведки. Руководители СД, стоявшие во главе операции, были уверены, что им удалось нанести тяжелейший удар по боеспособности Красной Армии, вывести из строя наиболее талантливые командные кадры и таким образом обескровить ее» [59. С. 11].

Иные публицисты отрицали роль немецкого компромата в гибели Тухачевского, утверждая (со ссылкой на статью генерал-майора К. Шпальке в журнале «ГутенТаг»), «что вся “история Тухачевский – Гейдрих” была “сконструирована” уже после суда и расправы над советскими военачальниками “во славу Гейдриху и СС”» [61]. Но это заявление противоречило воспоминаниям историка, дипломата, партийного и общественного деятеля В.М. Фалина. Высказывая сомнения в аргументации о подлинности Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР 1939 г., Фалин сказал: «В своей жизни я видел столько подделок, начиная с бумаг, изготовленных Шелленбергом по Тухачевскому и другим...» [62].

М.Н. Тухачевский как активный участник реформирования РККА

В перестройку, как и в предшествующие десятилетия, вспоминалась и роль Тухачевского в развитии РККА. Говорилось о его вкладе в создание советских ВДВ: «Идею применения воздушного десанта в глубоких наступательных операциях подробно разработал маршал М. Тухачевский, его выводы подтвердились во время учений Московского военного округа, когда был сброшен самый крупный по тому времени десант в 5 272 человека» [63]. Напоминалось, что маршал стоял у истоков советского ракетостроения: «Мысль о создании единого ракетного института поддержал Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, так много сделавший для перевооружения Красной Армии: отказ от тачанок, кавалерии, пик, сабель, старых винтовок и переход ее к новым видам вооружений – к танкам, мощным

бомбардировщикам и истребителям, радио, подводным лодкам, радиолокаторам, парашютным десантам и броневикам. С его помощью была создана ГДЛ, отдан Иоанновский рavelин Петропавловской крепости для мастерских и испытательных стендов ГДЛ. М.Н. Тухачевский наблюдал за ходом испытаний ракетных двигателей на полигоне под Ленинградом и спускался в подвал ГИРДа в Москве для ознакомления с работами московских ракетчиков, поддерживал тесные контакты с Глушко, Королёвым, Цандером, Тихонравовым, Победоносцевым. Он добился того, что 31 октября 1933 года Совет Труда и Оборона принял постановление о развитии РНИИ – первого в мире научно-исследовательского института, занимающегося исключительно ракетной техникой. Тогда советские ракетчики шли впереди всего мира» [64. С. 2]. Покровительством Тухачевского объяснялись аресты в РНИИ в 1937–1938 гг. [65; 66. С. 22].

М.Н. Тухачевский в контексте обсуждения причин поражения в Советско-польской войне

Не обошли вниманием и тему Советско-польской войны 1920 г. Руководитель Союза польских писателей Войцех Жукровский называл ее одним из болезненных вопросов в истории обеих стран и со страниц «Литературной газеты» предложил «переиздать “полемику маршалов Пилсудского и Тухачевского” как “блестящий комментарий ко всей кампании”» [67]. Идею реализовали в 1992 г. [68].

Причины поражения в этой войне подробно описывались в воспоминаниях военного теоретика и педагога, полковника в отставке Г.С. Иссерсона (1898–1976) [69]. Работа «Судьба полководца» – это воспоминания Иссерсона об эпизодах совместной работы с Тухачевским. Отдельные главы из нее (о последних годах жизни Тухачевского) были напечатаны в «Военно-историческом журнале» еще в период «оттепели» [70]. В журнале «Дружба народов» 20 лет спустя опубликовали и другие части рукописи – о деятельности Тухачевского как командующего Кавказским и Западным фронтами в 1920 г. Здесь Иссерсон обратился к трагическим эпизодам биографии полководца. Мемуарист отмечал, что «Оперативный план Тухачевского на Северном Кавказе весной 1920 г. преследовал решительные цели – отрезать деникинской армии пути отхода на Новороссийск, окружить ее и уничтожить». Но эта цель не была достигнута, и «причиной <...> было неправильное, с точки зрения оперативной целесообразности, направление действий Конной армии Будённого». По мнению Иссерсона, войска Деникина смогли уйти от окружения из-за того, что «Будённый не мирился с превосходством Тухачевского, не хотел признавать его стратегического авторитета и, состоя в его оперативном подчинении, не выполнял его директив». И, спустя десятилетия, в своих мемуарах «Пройденный путь» Будённый «бросает тень на Тухачевского». Иссерсон писал, что такое отношение к распоряжениям Тухачевского привело к катастрофическим последствиям в Польской кампании 1920 г. [69. С. 180–181].

Иссерсон, высоко оценивая план Тухачевского по обходу Варшавы с севера и запада, отмечал и его недостаток – слабое обеспечение левого фланга. Он вспоминал, что Тухачевский впоследствии признал свою ошибку. Но Георгий Самойлович, как участник и очевидец наступления на польскую столицу, писал, что возможности остановиться, чтобы подтянуть резервы, по сути, не было: «Если бы тогда, в 1920 г., по достижении рубежа Западного Буга кто-либо заикнулся бы об остановке, его сочли бы либо предателем, либо сумасшедшим» [69. С. 182] (такие настроения шли, прежде всего, от политического руководства страны, и военные оказались «заложниками ситуации»). Да и сам Иссерсон позднее писал: «История никогда не простила бы Тухачевскому, если бы он, дойдя до Буга, остановился. Ведь именно это и нужно было отступающей, расстроенной армии белополяков, чтобы выиграть хоть несколько дней, привести себя в порядок, перегруппироваться и перейти в контрнаступление. <...> Поэтому наступать и преследовать до конца, до достижения решающей цели – этот стиль полководческого искусства Тухачевского в обстановке 1920 г. был оправдан» [69. С. 182]. Однако, командуя фронтом «серьезно беспокоился за состояние своих тылов» и еще в июле докладывал РВС Республики о сложившейся ситуации. Но в ставке Главкома его не услышали: «Поспешный отход белополяков там принимали за их разгром (обычная ошибка недалёковидной стратегии) и собирались даже снять с Западного фронта некоторые части. Только благодаря энергичным протестам Тухачевского это несправедливое решение не было осуществлено» [69. С. 182–183]. Политбюро ЦК решило объединить под командованием Западного фронта все силы Западного и наступавшего южнее Юго-Западного фронтов, чтобы направить их на взятие Варшавы. Но это важное решение «саботировалось командованием Юго-Западного фронта (комвойск – А.И. Егоров, член РВС – И.В. Сталин). Руководители фронта, видимо, не смирились с тем, что общее командование возлагается на Тухачевского и что они, таким образом, устраняются от столь решающей операции и не могут разделить успех. Мелочные интересы личного престижа возобладали здесь над военно-политической целесообразностью и стратегической необходимостью государственного значения». По решению командования Юго-Западного фронта, его 1-я Конная армия была направлена на Львов, «где, по <...> мнению Сталина, якобы лежал центр тяжести всей польской кампании» [69. С. 183]. Иссерсон считал это серьёзной политической ошибкой, приведшей к тяжёлым последствиям. А когда с большим опозданием 1-я Конная армия была передана Западному фронту, «выполнить директиву о ее выводе из-под Львова и направлении на Владимир-Волынский отказалось теперь командование 1-й Конной (командарм – С.М. Буденный, член РВС – К.Е. Ворошилов)» [69. С. 184]. Было потеряно время, и хотя командование Конармии все-таки «начало наконец вяло и нехотя эту директиву выполнять», уже ничего исправить было нельзя. Отчасти, в сложившейся ситуации было виновато и Главное командование в лице главкома С.С. Каменева, не старавшееся объединять усилия двух

фронтов на основном, Варшавском направлении и не забравшееся о своевременном пополнении сил Западного фронта. «Тухачевскому приходилось решать вопросы, которые выходили за пределы его компетенции как командующего фронтом и составляли прямую обязанность Главного командования» [69. С. 184].

Рассуждая, кто виноват в провале Варшавской операции, Иссерсон резюмировал: «Теперь история может и должна прямо ответить на это вопрос. Вину за это несут, главным образом, И.В. Сталин, А.И. Егоров, С.М. Будённый и К.Е. Ворошилов, бывшие тогда руководителями Юго-Западного фронта и 1-й Конной армии. Основную роль в провале операции сыграло упорное нежелание Сталина, а потом Будённого и Ворошилова идти на северо-запад, на концентрическое соединение с Западным фронтом под Варшавой». По мнению Георгия Самойловича, это было «явное стратегическое местничество», и в основном из-за него Тухачевский и потерпел поражение [69. С. 185].

Также Иссерсон показал, как в 1920-х – начале 1930-х гг. целенаправленно создавалось мнение, что только по вине Тухачевского было допущено поражение под Варшавой. В итоге эта точка зрения стала официальной (отметим, что таковой в массовом сознании она остается и сейчас. – И.Ф.), и началась откровенная травля Тухачевского, когда ему в лицо бросали: «Вас за 1920-й год вешать надо!!!» [69. С. 189]. Все дискуссии проводились тенденциозно, иногда – без приглашения Тухачевского. «Объективная критика действий командования Юго-Западного фронта и Конармии была <...> чрезвычайно затруднена и ограничена» [69. С. 190]. В итоге, заключил Иссерсон, восторжествовала точка зрения о правильности действий руководства Юго-Западного фронта и Конармии, официально узаконенная в Кратком курсе истории ВКП(б) 1938 г. [69. С. 191].

М.Н. Тухачевский как руководитель подавления антибольшевистских восстаний в 1921 г.

Обсуждалась и тема участия Тухачевского в подавлении восстаний против монополярной власти большевиков, прокатившихся по стране в начале 1920-х гг. Уже в 1989 г. начинается критика его и других военных деятелей как участников коммунистической репрессивной политики. Драматург Ю. Эдлис рассуждал: «Но вот, например, Блюхер, кто он, этот расстрелянный выдающийся революционер и военачальник? Жертва? Но ведь годом раньше тот же Блюхер подписал смертный приговор Тухачевскому. <...> А сам Тухачевский? Разве не он в свое время утопил в крови Кронштадтский мятеж, причины и цели которого теперь вполне объяснимы? И эта цепочка тянется на самых разных уровнях. Ею оказывались повязанными и рядовые люди, и руководители государства» [71]. О «ниспровержении» уже всех советских деятелей рассуждали открыто годом позже: «Но ведь на сегодняшний день по всей Стране Советов за всю ее более чем семидесятилетнюю историю не подобрать и троицы светлых личностей из числа политических деятелей.

Ну Сталин, на которого почти три десятка лет молились, понятное дело <...>. Тогда, может, жертвы его, из числа политических борцов, положительные? Только наладились приучать себя Бухарина, Каменева, Тухачевского и т.д. за героев считать, как тут же выяснилось, что и они, почти как в песне, “маненечко не того”...» [72].

В 1990 г. «Правда» опубликовала рецензию публициста Р.А. Медведева на второй том «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицына, написанную еще в сентябре 1974 г. для западной прессы. Поскольку через 16 лет в СССР началась публикация книг Солженицына, то она стала актуальна и для советских читателей. Несмотря на то, что Медведев высоко оценил работу писателя, он подверг критике ряд фрагментов книги. «Солженицын с явным удовлетворением и даже злорадством приводит фамилии десятков крупнейших деятелей Коммунистической партии, расстрелянных в 1937–1938 гг. по приказу Сталина. Они-то уж заслужили свою участь, они получили то, что готовили и делали для других». По мнению Солженицына, Тухачевский «заслужил» такую участь за подавление «разоренных тамбовских крестьян». «Но, – продолжает Медведев – мы никак не можем разделять этих настроений и высказываний <...> Лучшие русские писатели никогда не позволяли себе глумления над мертвыми» [73].

Ближе к концу перестройки резко усилилась критика советской власти и ее деятелей, о которых еще недавно писали как о жертвах репрессий. В.А. Солоухин, жестко критикуя Ленина, высказался и о Тухачевском (из кого, по словам писателя, «пытаются теперь сделать мученика»), ставя ему в вину подавление «антоновщины» [74. С. 29]. Ему вторил Б.А. Можаяев, преувеличивая размах карательных акций на Тамбовщине, с ненавистью говоря о Тухачевском, называл его методы подавления восстания «дьявольской выдумкой» [75. С. 12].

В 1991 г. вышла статья В.И. Новодворской, где она, рассуждая о недавнем августовском путче, вспоминала про отрицательных, по ее мнению, персонажах советской истории: «Арестованного <...> Горбачева тоже можно было пожалеть и защищать. Истинный интеллигент и Бухарина стал бы спасать от Сталина (зная про “Азбуку коммунизма”), и Тухачевского, и Зиновьева (зная отлично их “добрые дела”))» [76. С. 3].

Тогда же в статье И. Коссаковского – сопредседателя общественного комитета «За правду о Кронштадте», где говорилось о том, что Тухачевский (конечно, с ведома советского правительства) планировал применить химическое оружие против восставших матросов. При этом Кронштадтский мятеж, в духе времени (после августовского путча и перед запретом деятельности КПСС), показывался «подилинно стихийным народным возмущением», которое правительство подавило «намерено беспощадно военной силой». Ответственность за репрессии возлагалась автором «на Политбюро во главе с В.И. Лениным, воплощавшие абсолютную власть, которая только называлась Советской» [77].

Показательна фраза филолога С.С. Аверинцева, рисуемая изменение отношения к личности Тухачевского в массовом сознании за годы перестройки: «При-

помните последовательность разоблачительного процесса. Сначала было окончательное разоблачение наиболее бесспорных злодеев нашей истории. Потом дело дошло до фигур двойственных, которые стали жертвами, но перед этим сами вложили свою лепту в утверждение злодейства, вроде Бухарина или Тухачевского» [78]. Тухачевского (как и других офицеров царской армии) стали упрекать и за служение советской власти вообще. Так, эмигрантский писатель «третьей волны» В.Е. Максимов (Л.А. Самсонов), рассуждая о русской революции, писал: «Не лучшим образом вело себя и наше достопочтенное дворянство, не только бросившее <...> страну на произвол судьбы, чтобы отсидеться в эмигрантской безопасности, но и выделившее из своих рядов множество попутчиков и апологетов большевизма, начиная от Ленина, кончив огромной сетью офицерского корпуса во главе с бывшими генералами вроде Брусилова, Зайончковского, Верховского, Снесарева и десятков, если не сотен других, составивших вскоре головку Красной армии: Каменева, Егорова, Тухачевского, Шапошникова, Вацетиса, Свечина и прочих, менее известных, но не менее беспринципных» [79].

Заключение

Как видно из анализа советской периодики периода перестройки, репрезентация образа Тухачевского в те годы претерпела изменение в сторону негативизации. Но этот процесс шел постепенно. В начале перестройки его изображали в ключе традиций предшествующих десятилетий (периода «застоя»), как героя Гражданской войны, военного теоретика, одного из реформаторов РККА, особо не акцентируя внимание на обстоятельствах его гибели. В середине указанного времени произошло возвращение к сюжетам из биографии маршала, которые обсуждались в период «оттепели»: обстоятельства ареста, трагической судьбе его родственников, роли Сталина и Ворошилова в гибели значительной части военной элиты и влияние этого события на подготовку страны к грядущей войне. При этом версия о «немецком следе» как причине репрессий в РККА и конкретно падения Тухачевского активно обсуждалась, но не стала преобладающей. Произошло обращение к ранее не востребовавшимся воспоминаниям очевидцев событий, показывалась реакция разных слоев советского общества на гибель маршала. Обсуждались и причины поражения в Советско-польской войне, но Тухачевский не провозглашался единственным виновником поражения РККА, как это было в 1930-е гг. и повторилось в 1990–2000-е гг. В последние годы существования СССР появились материалы, осуждающие М.Н. Тухачевского за участие в подавлении восстаний 1921 г. и преувеличивающие его «карательную роль» (отметим, что в советское время этот сюжет в биографии полководца никогда не замалчивался).

Во многих перестроечных публикациях образ Тухачевского размывался, он входил в коллективный образ репрессированных военных деятелей, офицеров царской армии, советских деятелей – участников репрессий и т.д., часто теряя индивидуальные черты.

А сами многочисленные советские издания выступали как зеркалом общественных настроений (потребности людей лучше узнать о событиях недавнего прошлого без идеологических установок), так и формировали их, конъюнктурно создавая негативный образ советского времени и его деятелей.

Эта тенденция получила дальнейшее развитие и широкое распространение в прессе 1990-х гг. Однако разнообразные перестроечные издания, формировавшие коллективные представления людей того времени, при наличии должной источниковедческой критики являются ценными информационными источниками для империологических исследований.

Список источников

1. Барсенков А.С. Политика перестройки и реформирование советского общества в 1985–1991 годах // Российская история. 2014. № 6. С. 77–98.
2. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М. : Центрполиграф, 2014. 720 с.
3. Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
4. Кантор Ю.З. «Выставка открылась в двойне неслучайном месте...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 4. С. 65–70. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
5. Горелик Я.М. Предвидения М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 18–22.
6. Пфафф И. Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 44–53; № 11. С. 47–56; № 12. С. 61–69.
7. 1937. Показания маршала М.Н. Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63.
8. Посторонкин В.Н. Тухачевский [Неизвестное о Тухачевском] // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 88–90.
9. Уотт Д.К. Кто против кого устроил заговор? // Вопросы истории. 1989. № 6. С. 51–63.
10. Дайнес В.О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 38–60.
11. Шаров А. Правда и ложь о М.Н. Тухачевском // Военные знания. 1991. № 12. С. 6–7.
12. Кириллов В.Л. Журналист как популяризатор исторического знания (по материалам журнала «Огонек» 1987–1990 гг.) // Век информации. 2018. № 1. С. 67–77.
13. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов // Известия. 1988. 28 марта. № 88. С. 1.
14. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов // Правда. 1988. 27 марта. № 87. С. 1.
15. Виктор Б. «Заговор» в Красной армии // Правда. 1988. 29 апр. № 120. С. 3.
16. Виктор Б.А. Без грифа «Секретно»: Записки военного прокурора. М. : Юрид. лит., 1990. 336 с.
17. Дело о так называемой «Антисоветской троцкистской военной организации» в Красной армии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 42–73.
18. Котлова-Бычкова А. Рядом с маршалом // Вечерняя Москва. 1989. 5 апр. № 79. С. 4.
19. Кантор Ю.З. Война и мир Михаила Тухачевского. М. : Огонек; Время, 2005. 576 с.
20. Котлова-Бычкова А. Маршал Тухачевский // Рабочий путь (Смоленск). 1987. 21 окт. № 243.
21. Ананьин С. Не вина, а общая беда // Вечерняя Москва. 1989. 10 мая. № 107. С. 2.
22. Маринич Н. Тот памятный бой у Никитских // Вечерняя Москва. 1988. 7 нояб. № 255. С. 2.
23. Борисов В. Потому что мы верили Родине // Советская культура. 1987. 22 сент. № 114. С. 6.
24. Пирогова И. Корни дуба из Герники // Советская культура. 1988. 3 мая. № 53. С. 6.
25. История для всех одна // Огонек. 1987. № 33. С. 7.
26. Быков В. Под знаком перемен // Литературная газета. 1989. 18 янв. № 3. С. 4.
27. Ицков И., Бабаков М. Маршал Жуков: Что рассказал Георгий Константинович Жуков во время встреч с писателем Константином Симоновым // Огонек. 1986. № 48. С. 5–8.
28. Гуревич А.М. Разведка – это не игра. Мемуары советского резидента Кента. СПб. : Нестор, 2007. 501 с.
29. Рязанцев Б. В тени монумента // Огонек. 1988. № 17. С. 20–21.
30. Чечин О. Маршал и скрипка // Кругозор. 1988. № 8. С. 7.
31. Тухачевская Е.Н. Встретились Тухачевский с Чапаевым // Кругозор. 1988. № 8. С. 6–7.
32. Сидоровский Л. Маршал Тухачевский: воспитать в себе бойца // Смена. 1987. № 11. С. 12–14.
33. Отклики и размышления. Из семейного архива // Наука и жизнь. 1988. № 12. С. 23–24.
34. Ларина А.М. Незабываемое // Знамя. 1988. № 10. С. 126–165.
35. Двойных Л., Стеганцев М. Маршал Тухачевский // Неделя. 1987. 23 нояб. № 47. С. 10.
36. Переписка с читателями // Неделя. 1988. 29 авг. № 35. С. 3.
37. Кириллов П.А. Быть ли музею Тухачевского? // Неделя. 1989. 14 авг. № 33. С. 2.
38. Долганов В. Андрей Вознесенский отвечает читателям поэмы «Ров» // Советская культура. 1986. 9 окт. № 121. С. 6.
39. Дажин Д. «За» и «против» // Советская культура. 1987. 5 мая. № 54. С. 6.
40. Софья Радек о своем отце и о себе // Огонек. 1988. № 52. С. 28–31.
41. Носов Е.И. Что мы перестраиваем? // Литературная газета. 1988. 20 апр. № 16. С. 12.
42. Почта // Огонек. 1990. 17 марта. № 12. С. 16.
43. Водолажский В. Миф и быль // Неделя. 1989. 27 февр. № 9. С. 8–9.
44. Анфилов В. Самые тяжкие годы. 1937–1946 // Литературная газета. 1989. 22 марта. № 12. С. 11.
45. Павлов Д. «Это еще не социализм...». Две последние встречи с В.М. Молотовым // Литературная газета. 1990. 18 апр. № 16. С. 13.
46. Капустин М. Личность в истории // Неделя. 1990. 20 авг. № 34. С. 10.
47. Черепенин С. Правда маршала Тухачевского // Советская культура. 1988. 4 июня. № 67. С. 3.
48. Диалоги // Советская культура. 1988. 9 июля. № 82. С. 4.
49. Шахмагонов Ф. Смутные времена (Углицкий набат. Дело маршала Тухачевского): Эссе и киноповесть. М. : Товарищество советских писателей, 1992. 239 с.
50. Слово читателя // Огонек. 1987. № 43. С. 31.
51. Полищук К.Е. Заседание РВС 1–3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца // Знание – сила. 1990. № 5. С. 26–32.
52. Финк Л. Нельзя винить жертвы... // Неделя. 1988. № 46. С. 10.
53. Евтушенко Е. Еще не поставленные памятники // Огонек. 1987. № 33. С. 7.
54. Левитанский Ю. Из разных десятилетий // Огонек. 1988. № 26. С. 16.
55. Рыбаков А.Н. Дети Арбата // Огонек. 1987. 14–21 марта. № 11. С. 26–29.
56. Чехлов А.Ф. Расстрелянные звезды // Даугава. 1988. № 1. С. 40–55.
57. Пепел казненных стучит в наши сердца // Вечерняя Москва. 1991. 16 авг. № 165. С. 1.

58. Иодковский Э. Тяжелый шаг «триумфатора». О том, как Сталин сделался великим полководцем // Советская культура. 1988. 23 авг. № 101. С. 6.
59. Сергеев Ф. «Дело Тухачевского» // Неделя. 13 февр. 1989. № 7. С. 10–11.
60. Сергеев Ф. Нацистская разведка против СССР: «дело» Тухачевского, операция «Цепеллин» // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 114–132.
61. Прелин И. Патриот или предатель? Еще раз о генерале Н. Скобline // Неделя. 15 окт. 1990. № 42. С. 15.
62. О договорах 1939 года между СССР и Германией. В. Фалин: «Два разных договора» // Аргументы и факты. 1989. 19 авг. № 33. С. 5.
63. Талов Б. Возможны двести вариантов // Вечерняя Москва. 1990. 1 авг. № 173. С. 4.
64. Рябчиков Е. Заря космической эры // Огонек. 1987. № 40. С. 1–3.
65. Голованов Я. Катастрофа (Из хроники «Королёв») // Знамя. 1990. № 1. С. 107–150.
66. Пастухова М. Ярче любой легенды // Огонек. 1987. № 49. С. 18–23.
67. Щербак Ю. Писатель и история // Литературная газета. 1988. 13 июля. № 28. С. 15.
68. Тухачевский М. Поход за Вислу. Пилсудский Ю. Война 1920 года. М.: Новости, 1992. 320 с.
69. Иссерсон Г.С. Судьба полководца // Дружба народов. 1988. № 5. С. 179–192.
70. Иссерсон Г.С. Записки современника о М.Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал. 1963. № 4. С. 64–78.
71. Беднов С. Новое лицо на Набережной // Советская культура. 1989. 21 дек. № 152. С. 5.
72. Бабаев С. Судим историю – казним памятники? // Советская культура. 1990. 21 июля. № 29. С. 15.
73. Медведев Р. Еще об «Архипелаге ГУЛАГ» // Правда. 1990. 18 мая. № 138. С. 3.
74. Солоухин В. Расставание с Богом // Огонек. 1990. № 51. С. 26–30.
75. Можаяев Б. Я теряюсь... // Огонек. 1991. № 49. С. 12–13.
76. Новодворская В. Соло московского муравья // Огонек. 1991. № 44. С. 2–3.
77. Коссаковский И. А был ли мятеж? // Неделя. 1991. 7 окт. № 41. С. 12–13.
78. Аверинцев С.С. Да оградит нас Бог от призраков // Литературная газета. 1991. 25 сент. № 38. С. 15.
79. Максимов В. Одиссея российского казачества // Литературная газета. 1990. 26 сент. № 39. С. 6.

References

1. Barsenkov, A.S. (2014) Politika perestroiki i reformirovanie sovetskogo obshchestva v 1985–1991 godakh [The Policy of Perestroika and the Reform of Soviet Society in 1985–1991]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 77–98.
2. Shilo, N.I. & Glushko, A.V. (2014) *Marshal Tukhachevskiy. Mozaika razbitogo zerkala* [Marshal Tukhachevsky. Mosaic of a Broken Mirror]. Moscow: Tsentrpoligraf.
3. Gagkuev, R.G. (2024) "Rasskazyvat segodnya o Grazhdanskoj voyne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat chyu-to storonu..." ["Today, We Must Talk About the Civil War Restrainedly, Without Striving to Take Someone's Side..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*. 9 (1). pp. 6–12. doi: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-6-12
4. Kantor, Yu.Z. (2023) "Vystavka otkrylas v dvoine nesluchaynom meste..." ["The Exhibition Opened in a Doubly Non-Random Place..."]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*. 8 (4). pp. 65–70. doi: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-65-70
5. Gorelik, Yu.M. (1988) Predvideniya M.N. Tukhachevskogo [The Foresight of M.N. Tukhachevsky]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 9. pp. 18–22.
6. Pfaff, I. (1988) Praga i delo o voennom zagovore [Prague and the Case of the Military Conspiracy]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 10. pp. 44–53; 11. pp. 47–56; 12. pp. 61–69.
7. (1991) 1937. Pokazaniya marshala M.N. Tukhachevskogo [1937. Testimony of Marshal M.N. Tukhachevsky]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 8. pp. 44–53; 9. pp. 55–63.
8. Postoronkin, V.N. (1990) Tukhachevskiy [Neizvestnoe o Tukhachevskom] [Tukhachevsky (The Unknown About Tukhachevsky)]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 12. pp. 88–90.
9. Watt, D.C. (1989) Kto protiv kogo ustroil zagovor? [Who Plotted Against Whom?]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 51–63.
10. Daynes, V.O. (1989) Mikhail Nikolaevich Tukhachevskiy [Mikhail Nikolaevich Tukhachevsky]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 38–60.
11. Sharov, A. (1991) Pravda i lozh o M.N. Tukhachevskom [Truth and Lies About M.N. Tukhachevsky]. *Voennye znaniya*. 12. pp. 6–7.
12. Kirillov, V.L. (2018) Zhurnalist kak populyarizator istoricheskogo znaniya (po materialam zhurnala "Ogonek" 1987–1990 gg.) [The Journalist as a Popularizer of Historical Knowledge (Based on Materials from the Journal "Ogonek" 1987–1990)]. *Vek informatsii*. 1. pp. 67–77.
13. *Izvestiya*. (1988) V Komissii Politbyuro TsK KPSS po dopolnitelnomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period 30–40-kh i nachala 50-kh godov [In the Politburo Commission of the CPSU Central Committee for the Additional Study of Materials Related to the Repressions that Took Place in the Period of the 1930s–40s and Early 1950s]. March 28th. No. 88. p. 1.
14. *Pravda*. (1988) V Komissii Politbyuro TsK KPSS po dopolnitelnomu izucheniyu materialov, svyazannykh s repressiyami, imevshimi mesto v period 30–40-kh i nachala 50-kh godov [In the Politburo Commission of the CPSU Central Committee for the Additional Study of Materials Related to the Repressions that Took Place in the Period of the 1930s–40s and Early 1950s]. March 27th. No. 87. p. 1.
15. Viktorov, B. (1988) "Zagovor" v Krasnoy armii ["Conspiracy" in the Red Army]. *Pravda*. April 29th. No. 120. p. 3.
16. Viktorov, B.A. (1990) *Bez grifa "Sekretno": Zapiski voennogo prokurora* [Without the "Secret" Stamp: Notes of a Military Prosecutor]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. *Izvestiya TsK KPSS*. (1989) Delo o tak nazyvaemoy "Antisovetskoy trotskistskoy voennoy organizatsii" v Krasnoy armii [The Case of the So-Called "Anti-Soviet Trotskyist Military Organization" in the Red Army]. 4. pp. 42–73.
18. Kotlova-Bychkova, A. (1989) Ryadom s marshalom [Next to the Marshal]. *Vechernyaya Moskva*. April 5th. No. 79. p. 4.
19. Kantor, Yu.Z. (2005) *Voyna i mir Mikhaila Tukhachevskogo* [War and Peace of Mikhail Tukhachevsky]. Moscow: Ogonok; Vremya.
20. Kotlova-Bychkova, A. (1987) Marshal Tukhachevskiy [Marshal Tukhachevsky]. *Rabochiy put'*. October 21st. No. 243.
21. Ananyin, S. (1989) Ne vina, a obshchaya beda [Not Guilt, But a Common Misfortune]. *Vechernyaya Moskva*. May 10th. No. 107. p. 2.
22. Marinich, N. (1988) Tot pamyatnyy boy u Nikitskikh [That Memorable Battle Near the Nikitskys]. *Vechernyaya Moskva*. November 7th. No. 255. p. 2.
23. Borisov, V. (1987) Potomu chto my verili Rodine [Because We Believed in the Motherland]. *Sovetskaya kultura*. September 22nd. No. 114. p. 6.
24. Pirogova, I. (1988) Kornii duba iz Gerniki [The Roots of the Oak from Guernica]. *Sovetskaya kultura*. May 3rd. No. 53. p. 6.
25. *Ogonek*. (1987) Istoriya dlya vseh odna [History is the Same for Everyone]. 33. p. 7.
26. Bykov, V. (1989) Pod znakom peremen [Under the Sign of Change]. *Literaturnaya gazeta*. January 18th. No. 3. p. 4.
27. Itskov, I. & Babak, M. (1986) Marshal Zhukov: Chto rasskazal Georgiy Konstantinovich Zhukov vo vremya vstrech s pisatelem Konstantinom Simonovym [Marshal Zhukov: What Georgy Konstantinovich Zhukov Told During Meetings with the Writer Konstantin Simonov]. *Ogonek*. 48. pp. 5–8.
28. Gurevich, A.M. (2007) *Razvedka – eto ne igra. Memuary sovetskogo rezidenta Kenta* [Intelligence is Not a Game. Memoirs of the Soviet Resident Kent]. Saint Petersburg: Nestor.
29. Ryazantsev, B. (1988) V teni monumenta [In the Shadow of the Monument]. *Ogonek*. 17. pp. 20–21.
30. Chechin, O. (1988) Marshal i skripka [The Marshal and the Violin]. *Krugozor*. 8. p. 7.
31. Tukhachevskaya, E.N. (1988) Vstretilis Tukhachevskiy s Chapaevym [Tukhachevsky and Chapaev Met]. *Krugozor*. 8. pp. 6–7.
32. Sidorovsky, L. (1987) Marshal Tukhachevskiy: vospitat v sebe boytsa [Marshal Tukhachevsky: To Educate a Fighter in Oneself]. *Smena*. 11. pp. 12–14.

33. *Nauka i zhizn*, (1988) Nauka i zhizn Otkliki i razmyshleniya. Iz semeynogo arkhiva [Responses and Reflections. From the Family Archive]. 12. pp. 23–24.
34. Larina, A.M. (1988) Nezabivaemoe [The Unforgettable]. *Znaniya*. 10. pp. 126–165.
35. Dvoynikh, L. & Stegantsev, M. (1987) Marshal Tukhachevskiy [Marshal Tukhachevsky]. *Nedelya*. November 23rd. No. 47. p. 10.
36. *Nedelya*. (1988) Nedelya Perepiska s chitatel'nyami [Correspondence with Readers]. August 29th. No. 35. p. 3.
37. Kirillov, P.A. (1989) Byt li muzeyu Tukhachevskogo? [Should There Be a Tukhachevsky Museum?]. *Nedelya*. August 14th. No. 33. p. 2.
38. Dolganov, V. (1986) Andrey Voznesenskiy otvechaet chitatel'nyam poemy "Rov" [Andrei Voznesensky Answers Readers of the Poem "The Ditch"]. *Sovetskaya kultura*. October 9th. No. 121. p. 6.
39. Dazhin, D. (1987) "Za" i "protiv" ["For" and "Against"]. *Sovetskaya kultura*. May 5th. No. 54. p. 6.
40. *Ogonek*. (1988) Sofya Radek o svoem otse i o sebe [Sofia Radek About Her Father and Herself]. 52. pp. 28–31.
41. Nosov, E.I. (1988) Chto my perestraivаем? [What Are We Restructuring?]. *Literaturnaya gazeta*. April 20th. No. 16. p. 12.
42. *Ogonek*. (1990) Pochta [Mail]. March 17th. No. 12. p. 16.
43. Vodolazhsky, V. (1989) Mif i byl [Myth and Reality]. *Nedelya*. February 27th. No. 9. pp. 8–9.
44. Anfilov, V. (1989) Samye tyazhkie gody. 1937–1946 [The Hardest Years. 1937–1946]. *Literaturnaya gazeta*. March 22nd. No. 12. p. 11.
45. Pavlov, D. (1990) "Eto eshche ne sotsializm...". Dve poslednie vstrechi s V.M. Molotovym ["This is Not Socialism Yet...". Two Last Meetings with V.M. Molotov]. *Literaturnaya gazeta*. April 18th. No. 16. p. 13.
46. Kapustin, M. (1990) Lichnost v istorii [Personality in History]. *Nedelya*. August 20th. No. 34. p. 10.
47. Cherepennin, S. (1988) Pravda marshala Tukhachevskogo [The Truth of Marshal Tukhachevsky]. *Sovetskaya kultura*. June 4th. No. 67. p. 3.
48. *Sovetskaya kultura* (1988) Dialogi [Dialogues]. July 9th. No. 82. p. 4.
49. Shakhmagonov, F. (1992) *Smutnye vremena (Uglichskiy nabat. Delo marshala Tukhachevskogo): Esse i kinopovest* [Troubled Times (The Uglichs Alarm. The Case of Marshal Tukhachevsky): Essay and Film Story]. Moscow: Tovarishestvo sovetskikh pisateley.
50. *Ogonek*. (1987) Slovo chitatel'ya [The Reader's Word]. 43. p. 31.
51. Polishchuk, K.E. (1990) Zasedanie RVS 1–3 iyunya 1937 goda. Svidetel'stvo ochevidtsa [Meeting of the Revolutionary Military Council, June 1–3, 1937. An Eyewitness Account]. *Znanie – sila*. 5. pp. 26–32.
52. Fink, L. (1988) Nelzya vinit zhertvy... [One Cannot Blame the Victims...]. *Nedelya*. 46. p. 10.
53. Evtushenko, E. (1987) Eshche ne postavlenyye pamyatniki [Monuments Not Yet Erected]. *Ogonek*. 33. p. 7.
54. Levitskiy, Yu. (1988) Iz raznykh desyatiletii [From Different Decades]. *Ogonek*. 26. p. 16.
55. Rybakov, A.N. (1987) Deti Arbata [Children of the Arbat]. *Ogonek*. March 14–21. No. 11. pp. 26–29.
56. Chekhlov, A.F. (1988) Rasstrelyannye zvezdy [Executed Stars]. *Daugava*. 1. pp. 40–55.
57. *Vechernyaya Moskva*. (1991) Pepel kaznennykh stuchit v nashi serdtsa [The Ashes of the Executed Knock on Our Hearts]. August 16th. No. 165. p. 1.
58. Iodkovskiy, E. (1988) Tyazhelyy shag "triumfatora". O tom, kak Stalin sdelsya velikim polkovodtsem [The Heavy Step of the "Triumphant". How Stalin Became a Great Commander]. *Sovetskaya kultura*. August 23rd. No. 101. p. 6.
59. Sergeev, F. (1989) "Delo Tukhachevskogo" ["The Tukhachevsky Case"]. *Nedelya*. February 13th. No. 7. pp. 10–11.
60. Sergeev, F. (1989) Natsistskaya razvedka protiv SSSR: "delo" Tukhachevskogo, operatsiya "Tseppelin" [Nazi Intelligence Against the USSR: The Tukhachevsky "Case", Operation "Zeppelin"]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 114–132.
61. Prelin, I. (1990) Patriot ili predatel? Eshche raz o generale N. Skobline [Patriot or Traitor? Once More About General N. Skobline]. *Nedelya*. October 15th. No. 42. p. 15.
62. *Argumenty i fakty*. (1989) O dogovorakh 1939 goda mezhdu SSSR i Germaniyey. V. Falin: "Dva raznykh dogovora" [On the 1939 Treaties Between the USSR and Germany. V. Falin: "Two Different Treaties"]. August 19th. No. 33. p. 5.
63. Talov, B. (1990) Vozmozhny dvesti variantov [Two Hundred Variants Are Possible]. *Vechernyaya Moskva*. August 1st. No. 173. p. 4.
64. Ryabchikov, E. (1987) Zarya kosmicheskoy ery [The Dawn of the Space Age]. *Ogonek*. 40. pp. 1–3.
65. Golovanov, Ya. (1990) Katastrofa (Iz khroniki "Korolev") [Catastrophe (From the "Korolev" Chronicle)]. *Znaniya*. 1. pp. 107–150.
66. Pastukhova, M. (1987) Yarche lyuboy legendy [Brighter Than Any Legend]. *Ogonek*. 49. pp. 18–23.
67. Shcherbak, Yu. (1988) Pisatel' i istoriya [The Writer and History]. *Literaturnaya gazeta*. July 13th. No. 28. p. 15.
68. Tukhachevskiy, M. & Pilsudski, Yu. (1992) *Pokhod za Vyslu. Voyna 1920 goda* [The Advance Beyond the Vistula. The War of 1920]. Moscow: Novosti.
69. Isserson, G.S. (1988) Sudba polkovodtsa [The Fate of a Commander]. *Druzhba narodov*. 5. pp. 179–192.
70. Isserson, G.S. (1963) Zapiski sovremennika o M.N. Tukhachevskom [Notes of a Contemporary About M.N. Tukhachevsky]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 4. pp. 64–78.
71. Bednov, S. (1989) Novoe litso na Naberezhnoy [A New Face on the Embankment]. *Sovetskaya kultura*. December 21st. No. 152. p. 5.
72. Babaev, S. (1990) Sudim istoriyu – kaznim pamyatniki? [Are We Judging History – Executing Monuments?]. *Sovetskaya kultura*. July 21st. No. 29. p. 15.
73. Medvedev, R. (1990) Eshche ob "Arhipelag GULAG" [More on "The Gulag Archipelago"]. *Pravda*. May 18th. No. 138. p. 3.
74. Soloukhin, V. (1990) Rasstavanie s Bogom [Parting with God]. *Ogonek*. 51. pp. 26–30.
75. Mozhaev, B. (1991) Ya teryayus... [I Am Perplexed...]. *Ogonek*. 49. pp. 12–13.
76. Novodvorskiy, V. (1991) Solo moskovskogo muravya [Solo of a Moscow Ant]. *Ogonek*. 44. pp. 2–3.
77. Kossakovskiy, I. (1991) A byl myatezh? [Was There a Rebellion?]. *Nedelya*. October 7th. No. 41. pp. 12–13.
78. Averintsev, S.S. (1991) Da ogradit nas Bog ot prizrakov [May God Protect Us from Phantoms]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper]. September 25th. No. 38. p. 15.
79. Maksimov, V. (1990) Odissey Rossiyskogo kazachestva [The Odyssey of the Russian Cossacks]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper]. September 26th. No. 39. p. 6.

Информация об авторе:

Федотова И.В. – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (Омск, Россия); аспирант кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета (Омск, Россия). E-mail: ivputintseva@mail.ru

Information about the author:

I.V. Fedotova, leading archivist, Historical Archive of Omsk region (Omsk, Russian Federation); postgraduate student, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivputintseva@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 15.02.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 13.01.2025;
approved after reviewing 15.02.2025; accepted for publication 31.07.2025.